

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

от 3 0 МАР 1967
Газета №

ТОЛПА знаменитостей — и молодежь с плакатами и листовками, клеймящими американскую агрессию во Вьетнаме, — таков был «предсценический» пролог к новой пьесе Петера Вайсса «Песнь о лузитанском пугале», разыгравшийся в вечер ее премьеры у подъезда Стокгольмского театра «Скала».

В пьесе нет ни слова о Вьетнаме — этой теме драматург посвящает специальное произведение, которое предполагает закончить через полгода. Речь идет в ней о борьбе народов Анголы и Мозамбика против португальских колонизаторов («Лузитания» — старинное название Португалии). И тем не менее антамемериканская демонстрация молодых шведов явилась вполне оправданным «введением» в спектакль. «Вайсс хочет средствами театра вызвать общественное негодование по поводу невыносимых социальных и, следовательно, антигуманных условий», — пишет Райнер Керндль в австрийской газете «Фольксштимме». — «...На примере салазаровского режима в Анголе, на примере его экономических и политических связей с американскими, западногерманскими, британскими монополиями — все они названы в пьесе — он клеймит империалистических угнетателей и их колониальную политику в целом».

Что же представляет собой «Песнь о лузитанском пугале»?

Подзаголовок пьесы — «мюзикл», и это не случайно. Как указывает сам Вайсс, он работал над пьесой «с мыслью о музыке», пытаясь найти новые выразительные средства, способствующие «активизации общественного мнения». Музыка — ее специально для постановки написал шведский композитор Бенг-Арне Валтин — действительно постоянно звучит в спектакле. Тем не менее

«Песнь о лузитанском пугале» — не оперетта. Это политический памфлет, традиции которого восходят к так называемым агитпесням 20-х годов (вспомним хотя бы о ранних драмах Бертольта Брехта и Фридриха Вольфа) и немецкому политическому кабаре. Пьеса — еще до премьеры она публиковалась в раз-

не бессюжетна. «Из сжатого, насыщенного протокольно точными деталями изображения фашистской действительности, — пишет Райнер Керндль, — вырисовывается сквозное действие пьесы: рассказ о том, как голодное рабство, навязанное колонизаторами, террор, самодовольная надменность и бесчеловеч-

но играют в артисты труппы, недавно объединившейся под руководством известного шведского актера Аллана Эдвалла. Однако в целом премьеры новой пьесы Вайсса была встречена буржуазной прессой более чем прохладно. И на это есть свои причины.

«Песнь о лузитанском пугале» — важный шаг в развитии Вайсса-драматурга: впервые в своем творчестве он столь решительно осудил не только колониализм, но и вообще империализм как общественную систему (характерно, что многие критики прямо называют концепцию пьесы чисто марксистской). Это как раз и задело буржуазную критику. Признавая удачность постановки, рецензенты большинства стокгольмских и западногерманских газет дружно обвинили Вайсса-писателя в «односторонности» и «упрощении». Консервативная стокгольмская «Свенска дагбладет» договорилась даже до того, что колонизаторы, мол, выступали среди «примитивных» народов с «цивилизаторской миссией».

В интервью газете «Дагенс нюе-тер» Петер Вайсс презрительно охарактеризовал такую позицию критики как «реакционную тупость».

Появились, однако, и другие оценки нового произведения — и не только на страницах прогрессивной и демократической печати. «Это очень важно, что ставятся такие пьесы, — писал Свен Мальм в либеральной «Гетеборгс тиднинген». — Они говорят нам о вещах, мимо которых мы не имеем права проходить, которые касаются нас всех». Думается, Петер Вайсс должен быть доволен таким отзывом. Напомним: именно об «активизации общественного мнения» думал он, работая над «Песней о лузитанском пугале».

Д. АЛЕКСАНДРОВ.

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

ПУГАЛО РУХНЕТ

личных журналах ГДР и ФРГ — строго документальна и поэтична: некоторые страницы в ней насыщены фактами, как газетные репортажи, и вместе с тем текст ее мускулист, энергичен. Как и в предыдущих пьесах, Вайсс пользуется ритмической прозой и свободным стихом — он явно стремится взбудоражить читателя, пробудить его гражданские чувства.

Памфлетность, публицистичность определяют и художественный строй спектакля. Внешне это своего рода тематический литературный монтаж; короткие сценки в нем сменяются сольной или хоровой декламацией, когда слово драматурга летит прямо в зал то как обвинение, то как боевой призыв; песни протеста, выдержанные в духе народных баллад и подкрепленные выразительной пантомимой — хлесткими сатирическими куплетами. Действующие лица, появляющиеся на сцене, напоминают персонажей басен и притч — недаром для характеристики иностранных пособников Салазара актеры часто используют маски животных. Однако «Песнь» —

новый цинизм угнетателей неминуемо ведут к восстанию, к бунту».

Главный «персонаж» спектакля — уродливое пугало из ржавой жести (ее специально собирала на стокгольмских свалках жена драматурга, Юнила Пальмшерн-Вайсса), символизирующее и самого Салазара, и всю прогнившую систему колониализма в целом. С ним связана вся сценическая «интрига». Вокруг него пляшут свой зловещий танец капиталисты и банкиры всех наций, политики и генералы, с помощью которых подавляется восстание доведенного до отчаяния народа (Вайсс имеет в виду ангольское восстание 1961 года). Его крах в финале спектакля — символ неизбежного крушения империализма и колониального гнета под напором народной революции.

Петер Вайсс сам ставил свою пьесу в содружестве с Этьеном Гласером, который помогал ему также и в переводе текста на шведский язык. По мнению большинства рецензентов, оба режиссера отлично справились со своей задачей: спектакль получился интересным. Хоро-